Лес был огромен и отличался от всего, что я когда-либо видел.

Я был ребенком, мне едва исполнилось пять лет, и у меня были воспоминания по крайней мере о двух других жизнях до этой, так что я знал, о чем говорил.

Женщина, которая вырастила меня, некая Хелен, сказала мне, что она моя сестра, и, что более важно, она была гребаной ведьмой, что объясняло абсурдность моего дома.

Я закончил свою обычную пробежку сломя голову по высоким стволам (никогда не сходя с тропы) и вошел в сад, в котором чувствовалась отчетливая средиземноморская атмосфера: мирты, цветы бузины, лавровые деревья, я легко узнал пару оливковых деревьев.

У хижины, где я жил, крыша была покрыта травой, и коза спокойно жевала ее, дымоход был сделан из речных камней, круглых и плоских, дым поднимался к навесу из листьев, который редко пропускал солнечный свет.

Благодаря урокам моей сестры я знал, что мы живем в национальном лесу Тонгасс на юго-востоке Аляски, который был самым большим национальным лесом в Соединенных Штатах площадью 16,7 миллиона акров, 68 000 квадратных километров.

Большая часть его территории была частью умеренного тропического леса, который сам по себе является частью более крупного тихоокеанского умеренного тропического леса. Естественно, лес был намного больше, фактически не занимая поверхности планеты, что было забавно.

Важным элементом, который мало кто принимал во внимание, было то, что лес существовал со времен последнего ледникового периода, и лишь несколько человек ходили по его окраинам только за последние несколько столетий.

В месте, полном жизни, каким был этот огромный лес, природа поет свою мелодию. И там, где люди не плетут нити, магия учится танцевать.

Никогда не стесненный, никогда не испорченный людьми, лес рос. Каждое дерево, молодое или старое, имело в глубине леса больше власти, чем любой человек мог когда-либо надеяться понять.

Он был определен как старовозрастной лес, также называемый первичным лесом, девственным лесом, первобытным лесом, поздним серальным лесом или первобытным лесом.

Нельзя сказать, что лес или отдельные деревья были разумными, нет, но они, несомненно, осознавали. К счастью, поскольку моя мать была ведьмой, а я родилась в лесу, я была в безопасности, даже если отказывалась сбиваться с пути.

Я никогда не относился с уважением к тому, что другие считают святым, но это место было святилищем.

Поскольку мои предыдущие жизни, по крайней мере, следуя моим воспоминаниям, действительно происходили, у меня был несколько непредубежденный ум. Но даже в этом случае земля не имела никакого смысла.

Следуя по тропе линг, которая странными узорами огибала наш дом, иногда я поднимался в гору, иногда соскальзывал с того, что казалось поросшим травой утесом.

Это сводило с ума. Или так бы и было, если бы не добрая ободряющая мелодия, амулет на моей шее продолжал гудеть для меня, напоминая лесу о силе и дружбе моей матери.

Лес, хотя время от времени и пугающий, был не чем иным, как потусторонним. Повсюду росли тысячи деревьев западного красного кедра, ели Ситка и западного болиголова.

Известняк и гранит, которые образовали почву под землей, также образовали холмы и пещеры. Ручьи превратились в бурные потоки и превратились в маленькие водопады, вода разбрызгивала тонкий пар над прудами и иногда рождала радугу, отвечая на редкие прикосновения солнца.

Однако вся эта таинственность и оживленный гул в воздухе меркли перед волшебством внутри моего дома. Как только я закрыл за собой маленькую дубовую дверь с бронзовой накладкой, я осмотрел остальную часть хижины.

Круглое, диаметром около пятнадцати метров, оно имело равномерно расположенные окна вдоль стены, которая была сделана из нагроможденных речных камней, скрепленных, к счастью, не ядовитым плющом.

Монотонность круглой стены также нарушалась весело горящим камином и полками на полках с книгами и свитками. Я с отвращением посмотрела на полки, предназначенные для моих немагических занятий.

Фу, не имеет значения, сколько я проживу; есть так много случаев, когда я могу изучать математику с самого начала. Я вздохнул.

Даже если бы я был уверен, что жил раньше, воспоминания о моих предыдущих жизнях, хотя и были последовательными и яркими, были в лучшем случае туманными с эмоциональной стороны.

Я помнила, как плакала в отчаянии из-за чего-то, но не могла вспомнить почему, я помнила, как занималась сексом и влюблялась, но не то тепло, которое я чувствовала тогда. Даже имена были чем-то, чего я вообще не мог вспомнить.

Я вспомнил, что в первый раз, когда я переродился, мне пришлось разобраться во всем, начиная с того факта, что мне дали еще один шанс в жизни, заканчивая тем, где и когда я был, и что делать.

На этот раз у меня было гораздо меньше свободы выбора, но меня это не беспокоило, так или иначе, даже имея старую душу, пусть и с приглушенными воспоминаниями, я все еще сохранял всю типичную детскость... ну, ребенком, которым я был.

Я взглянула на высокое зеркало сбоку комнаты, кудрявый и светловолосый ребенок с гетерохроматическими глазами смотрел на меня в ответ.

Мой левый глаз бутылочно-зеленого цвета, цвет радужной оболочки вел себя как стекло, меняя свой оттенок на свету, в то время как другой был дымчато-темно-серым, с редкими серебристыми искорками в нем.

Если бы эти глаза не подтверждали существование магии, ничто бы не подтвердило.

Мое все еще по-детски пухлое лицо скрывало черты, которые у меня когда-нибудь будут, но мой нос был маленьким и прямым, а подбородок почти острым.

Затем я посмотрел вверх, как всегда благоговея перед абсолютной темнотой, которая царила между деревянными балками, поддерживавшими крышу, и собственно потолком.

Я опустила взгляд и позволила ему остановиться на двух односпальных кроватях, которые служили скамейками для длинного дубового стола, и посмотрела на свою сестру, склонившуюся над неинтересной книгой по анатомии человека.

Моя странная мать-ведьма, от которой я унаследовал серые глаза, острый подбородок и, по общему признанию, злую ухмылку. Я прищурила глаза, высматривая это.

Они были похожи на частицы пыли, взвешенные в воздухе и попавшие под луч солнца. Я мог видеть их краем глаза, почти за пределами моего восприятия, но не совсем.

Я сосредоточился на ней, видя, что пылинки все больше и больше напоминают искры, подвешенные в золотистом тумане, и усилием воли снял чары с обложки книги, обнаружив древний на вид том в кожаном переплете.

Моя сестра резко закрыла его, ее глаза встретились с моими, а губы изогнулись в насмешливой ухмылке. "Тебе еще слишком рано разбираться с этим."Она говорила на древнегреческом, язык пел у меня в голове, и слова вставали на свои места, как кусочки головоломки.

Я фыркнула, не клюнув на приманку. "Но раз уж тебе так любопытно..." Она вздрогнула, и мои глаза снова притянулись к ней, как магниты"...Я помогу тебе начать с рун, что скажешь?"

Я улыбнулся, подбегая к ней и быстро забираясь на скамейку. У меня была идея относительно того, почему мы говорили по-гречески, даже находясь в Америке, и даты в более приземленных книгах помещали нас после 1980 года, но более того, я не мог знать.

Моя сестра знала, что я не обычный ребенок, хотя бы из-за того, что я пришел в ярость, когда обнаружил, что страдаю дислексией.

В любой своей жизни я был заядлым читателем, и обнаружить, что слова едва ли находятся за пределами моего понимания, было неприятно. Я почувствовала себя преданной и внезапно стала гораздо более уязвимой.

Мой предыдущий жизненный опыт сумел дать мне некоторое преимущество при работе с английским или японским языками, но осознание того, что плавное чтение всегда будет мне не по силам, было ужасным.

Не помогло и то, что я жил без каких-либо технологий. Мы с сестрой зажигали свечи или факелы и готовили благодаря камину, либо в блестящей медной кастрюле, либо на плоском вулканическом камне. Это было неплохо, но я бы с удовольствием просто откинулся на спинку стула и посмотрел фильм.

Моя сестра взъерошила мне волосы и достала лист белой бумаги, несколько секунд задумчиво постукивая по нему карандашом.

"Как ты думаешь, в чем назначение рун, Икар?" Ее успокаивающий тон спросил меня.

Я спрятал гримасу при упоминании своего имени, оно было не совсем удачным, но я понимал, что тот, кто назвал меня, будь то моя мать или мой отец, скорее всего, выбрал Икара, чтобы я мог подняться над мифом и действительно достичь солнца. Это прямо какая-то первоклассная

поэзия.

"Ну, древнегреческие буквы, помимо того, что они используются для письма, не имеют скрытых значений..." - начал я. "Насколько я знаю, нет", - добавила я, глядя на сестру прищуренными глазами.

В ответ на ее ободряющую улыбку я продолжил: "Но альфа может означать начало, точно так же бета может указывать на последователя, а омега - на конец". Я потер подбородок, размышляя об этом.

"Реальный вопрос был бы в том, почему только эти символы имеют значение, и почему я не могу составить один или целый алфавит." Я продолжил.

Моя сестра сияла, глядя на меня, и наклонилась вперед: "Каково назначение рун, Икар?" Она напомнила мне о своем вопросе.

Я подумал об этом несколько секунд: "Тот, который я им даю? Поскольку магия - это тоже намерение?"Я наполовину ответил, наполовину спросил.

Она схватила мое лицо и поцеловала в лоб, громкое "чмок" почти эхом отозвалось в хижине.

Жизнь, хотя и немного изолированная, была хороша.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/83525/2681890